

Григорий Померанц

Два этюда о Марии и Марфе

1. Какая элита нужна России?

Я попытался представить себе образ элиты. Но он тут же распался и превратился в какое-то облачко. Единой элиты не может быть в сложном обществе. Некоторые элиты живут в связке и как бы могут быть охвачены одним взглядом; другие мало что знают друг о друге; например – военная элита и театральная. Поэтому иду на риск поставить вопрос по-своему: какая элита сегодня нужнее всего России? Например, в 60-е годы XIX века Гончарову казалось, что нужнее всего элита деловая, и он представил ее в Штольце. А мне кажется, что сегодня нужнее всего этическая элита. Или еще точнее: элита, противостоящая коррупции.

В книге Евгения Ямбурга “Педагогический декамерон” (Москва, 2008) хорошее определение заимствовано из опыта Германии. Это фрагмент из письма Дитриха Бонхёффера, ожидавшего казни за участие в заговоре против Гитлера. Письмо достаточно широко известно, но мысль Бонхёффера так глубоко и смело развита, что стоит еще раз углубиться в нее. И я согласен с Ямбургом, что формулировки немецкого пастора, созданные в эпоху великого немецкого кризиса, подходят и к нынешнему русскому кризису:

«Если у нас не хватает мужества восстановить подлинное чувство дистанции между людьми и лично бороться за него, мы погибнем в хаосе человеческих ценностей. Нахальство, суть которого в игнорировании всех дистанций, существующих между людьми, так же характеризует чернь, как и внутренняя неуверенность; заигрывание с хамом, подлаживание под быдло ведет к собственному оподлению. Где уже не знают, кто кому и чем обязан, где угасло чувство качества человека и сила соблюдать дистанцию, там хаос у порога. Где ради материального благополучия мы миримся с наступающим

хамством, там мы уже сдались, там прорвана дамба, и в том месте, где мы поставлены, потоками разливается хаос, причем вина за это ложится на нас. В иные времена христианство свидетельствовало о равенстве людей, сегодня оно со всей страстью должно выступить за уважение к дистанции между людьми и за внимание к качеству. Подозрения в своекорыстии, основанные на кривотолках, дешевые обвинения в антиобщественных взглядах – ко всему этому надо быть готовым. Это неизбежные придирки черни к порядку. Кто позволяет себе расслабиться, смирить себя, тот не понимает, о чем идет речь, и, вероятно, даже в чем-то заслужил эти попреки. Мы переживаем сейчас процесс общей деградации всех социальных слоев и одновременно присутствуем при рождении новой, аристократической позиции, объединяющей представителей всех до сих пор существовавших слоев общества (подчеркнуто мною. Г.П.). Аристократия возникает и существует благодаря жертвенности, мужеству и ясному осознанию того, кто кому и чем обязан, благодаря очевидному требованию подобающего уважения к тому, кто этого заслуживает, а также благодаря столь же принятому уважению как вышестоящих, так и нижестоящих. Главное – это расчистить и высвободить погребенный в глубине души опыт качества, главное – восстановить порядок на основе качества. Качество – заклятый враг омассовения. В социальном отношении это означает отказ от погони за положением в обществе, разрыв со всякого рода культом звезд, непредвзятый взгляд как вверх, так и вниз (особенно при выборе узкого круга друзей), радость от частной, сокровенной жизни, но и мужественное приятие жизни общественной. С позиции культуры опыт качества означает возврат от газет и радио – к книге, от спешки – к досугу и тишине, от рассеяния – к концентрации, от сенсации – к размышлению, от идеала виртуозности – к искусству, от снобизма – к скромности, от недостатка чувства меры – к умеренности. Количественные свойства спорят друг с другом, качественные – друг друга дополняют».

Читателя может смутить установка на аристократию. Но это метафора, заимствование из прошлого. Автор говорит о том, что должно быть, и выбирает образы из того, что было. Иначе трудно создать зримый образ. Впрочем, в конце фрагмента дается и совершенно точное описание современного этического идеала с позиции современной культуры. Я иногда узнаю в этом описании своих знакомых.

Однако образ благородного рыцаря – не единственный, который приходит в голову. Мне припоминается другой образ из жизни России XV века: движение нестяжателей. С той же оговоркой: это метафора, описание того, чего еще нет, и прямого сходства с заволжскими старцами читатель не должен искать. Но я могу представить себе в современной России движение нестяжателей, собор нестяжателей, а рыцарей – только как одиночек. Одиночки не остановят рост коррупции. А остановить его необходимо. Гайдар (в полузабытой газетной заметке, бросившейся мне в глаза) совершенно верно писал, что рынок без нравственных устоев – это кошмар. Откуда же взять устои? Протестантская этика, которую высоко оценивал Вебер, выросла из спора монаха с папой и впоследствии уже сплелась с рынком. Этическая напряженность старообрядцев родилась в споре Аввакума с Никоном и опять-таки только впоследствии создала лидирующее меньшинство в развитии русской промышленности. Откуда же нам взять хозяйственную этику сегодня?

Я присутствовал на круглом столе, обсуждавшем вопрос о доверии между деловыми партнерами. И ушел – с еще более твердым убеждением, чем прежде, что хозяйственная этика – часть общенародной этики, корни которой очень далеки от рынка.

Георгий Петрович Федотов считал духовной трагедией XV века победу осифлян над нестяжателями. Надо понять, почему. У Иосифа Волоцкого были свои резоны: на оброк от крепостных крестьян он строил храмы, создавал мастерские иконописцев, при неурожае помогал голодающим. Дело в стиле полемики. Нил Сорский не хотел никого уничтожить. Он мягко доказывал, что

владение крепостными затягивало в мир суеты. А Иосиф Волоцкий стремился доводить спор до уничтожения противника и даже подозреваемых в сочувствии идеям нестяжателей. По этой причине был отправлен в тюрьму Иван молодой, наследник Ивана III, и на престол возведен Василий Иванович, отец Ивана Грозного. Последствия этого известны. Иосиф Волоцкий – один из первых русских политиков, разрушавших противника “до основанья, а затем”... Затем Иван Грозный уничтожил боярство, Никон – старообрядцев, Петр – стрельцов и, наконец, большевики – эксплуататорские классы, вплоть до ликвидации кулачества, а заодно и свободного крестьянства. К чему это привело? В обществе как целом, в культуре как целом?

Не существует ни одного исчерпывающего определения культуры. Но можно представить себе образ культуры как венка, сплетенного из многих символов, догм, принципов, идей. Жизнь культуры – постоянные поиски равновесия. Одна ветвь уравнивает другую и не дает ей устремиться по прямой линии в бесконечность. Всякое развитие, потерявшее меру, становится злокачественным. В здоровом организме и в здоровой культуре целое господствует над частями и не допускает уродливых перекосов, грозящих разрушением на куски. Отсюда опасения Конфуция и консервативная мудрость, не допускающая слишком быстрого роста, увлечения «прогрессом», создающим кризисы и катастрофы. Отсюда катастрофы XX века, вызванные ложной идеей уничтожения единого источника зла, после чего автоматически исчезнут все беды.

Если отвлечься от стиля полемики Иосифа Волоцкого, то его спор с Нилом Сорским – это спор Марфы с Марией. Христос, арбитр спора, сочувствует Марии, но он не проклинает Марфу, он только проводит в ее уме более длинную линию, чем линию ее хозяйственных забот, и в сравнении с этой линией, ведущей в глубину, хозяйственные заботы (и самолюбие хозяйственницы) сами собою становятся на второе место. Однако Мария

царствует, но не правит, оставляет Марфе всю ее сферу – без переоценки важности этой сферы.

Мария царствует, но не правит, подобно королеве Англии или нынешнему испанскому королю, которые не вмешиваются в торговые сделки, но хранят лучшие моральные традиции аристократии, традиции благородства, которое обязывает (*noblesse oblige*). С этой точки зрения можно понять и смысл слова «аристократия» в письме Бонхёффера. Это орден, к которому всякий может присоединиться, если он глубоко и чисто живет (как это подробно описывается в конце фрагмента, приведенного выше).

Нестяжатели наших дней – это учителя, живущие на свое скаредное жалование, но не торгующие отметками, библиотекари, не бросающие своего призвания ради ларька на рынке и т.п. Сергей Аверинцев говорил, что культура нуждается в работниках, для которых она – единственное призвание. Один мой друг, выдающийся физик, сказал неожиданным в его устах библейским языком, – что торгующих надо изгнать из храма науки. Я немного участвую в большой работе, которую ведут Евгений Ямбург – с учителями, Екатерина Гениева – с библиотекарями, верными своему призванию. Эта традиция достаточно стара. От Ломоносова до Лихачева в университетах не было коррупции. Крепость держалась два века. Сегодня она на пороге падения.

Однако в сферу науки и народного образования коррупция еще сравнительно недавно пустила корни. Здесь остались нестяжатели, на которых можно опереться. И судя по письмам, которые до меня доходят, кое-где они смыкаются в группы и пытаются сформулировать свое *credo*.

Приведу один пример – из жизни уральского городка Верхняя Пышма. Начало нашей переписки с ним положил журнал “Смена”, брошенный кем-то в электричке. Журнал подобрала Ирина Елисеева, воспитательница детского сада, прочла стихи Зинаиды Миркиной и стала разыскивать наш адрес. Было это давно, лет 15 тому назад. В конце концов, адрес нашелся. С тех давних пор я запомнил реплику ребенка после беседы о Боге. «Я поняла, – сказала

шестилетняя девочка. – Это как чувствовать маму с закрытыми глазами». Я использовал эти слова в какой-то статье.

Год шел за годом, Елисеева поступила на заочное отделение института, проучилась шесть лет, но никак не могла защитить диплом. Оказалось, что диплом имеет рыночную стоимость. Елисеевой это не понравилось, и она ушла без диплома. Заведовать библиотечным коллектором ее взяли и так. Передо мной лежит бюллетень «Околица», издаваемый нестяжательницами Верхней Пышмы, № 1 за 2008 год, а всего по счету 8-ой. Приведу характерные заголовки статей: «Миры, творимые словом» Г. Кириной; «Библиотекарь – профессия креативная» (Г. Шматовой и Н. Некрасовой) и другие. Есть и раздел «Просто цитаты», фразы, выбранные внимательным чтением и ставшие девизом нового движения.

Маленькие бюллетени, восемь страниц, направлены к укреплению духа общественной группы, не покорной гнилому поветрию. Если дело так пойдет, если удастся объединить кучки людей, разбросанные от Архангельска до Ульяновска и от Калининграда до Томска, то народное образование может быть постепенно очищено, торгующие изгнаны из храма и выпускники школ и университетов начнут бороться с коррупцией повсюду. Можно вспомнить, что это уже было. Выпускники университетов, расширившихся после реформ Александра II, взяток не брали и теснили лихоимство на местах, куда попадали. Можно вспомнить (это и мой личный опыт), что в исправительно-трудовых лагерях взятки брали только социально близкие воры и бандиты, а социально чуждые интеллигенты брезговали этим. Хотя, казалось, на что мне, осужденному за антисоветскую агитацию, бороться за этику своей лагерной профессии (нормировщика подсобных мастерских)? Положение абсурдное, но за два с половиной года я ни разу взятки не дал и не брал. Рискуя тем, что меня снимут с работы и отправят на общие, ворочать баланы на лесозаводе...

Примерно так вели себя и другие антисоветчики. Начальство это понимало и предпочитало комплектовать свои канцелярии из контингента со

статьей 58-10 (антисоветская агитация и пропаганда). Куда он делся, этот контингент? Что его создало? Может быть, чтение и перечитывание великой русской литературы XIX века, в особенности Толстого и Достоевского? И может быть нынешняя реформа народного образования, с установкой на прагматику, подрывает сами основы честного рынка? Потому что прагматика у нас коррупционная, и без каких-то внепрагматических духовных устоев вор у вора по-прежнему будет дубинку красть, и никакого толку из этого не будет.

Говорят, что поможет преподавание закона Божьего. Но тут тоже есть опыт. Дореволюционные батюшки, сталкиваясь с наукой, вызывали взрывы подросткового атеизма. Через него прошел даже Владимир Соловьев. Преподавание этически насыщенной литературы XIX века (и лучших книг XX в.) давало гораздо более надежные результаты. Другое дело, что строить преподавание литературы в школе по университетскому принципу, как историю – тоже себя не всегда оправдывало. Быть может, целесообразно подбирать из трудных сочинений классиков то, что может усвоить подросток. Например, “дети у Достоевского” (Неточка, Нелли, мальчики в “Братьях Карамазовых” и т.п.); быть может стоит издавать специальные школьные серии, хрестоматии, а не сразу оглушать “Преступлением и наказанием”. Этот вопрос требует длительной разработки и выходит за рамки статьи.

Подведем итоги. Нам нужна элита, которой «образование не позволяет» уступать привычкам коррупции; элита, способная исправить очередной перекосяк в русской истории – не «до основанья, а затем...» – не упраздняя и не ограничивая рынок в его рыночной сути, а помогая рынку и государственному аппарату выработать свою профессиональную этику и чувство чести. Мне кажется, изучение лучших образцов мировой литературы может (начинаясь в старших классах) продолжаться и на факультетах точных наук. Студентам нужны тексты, заставляющие мыслить о религиозных и этических проблемах, не пряча открытых вопросов, «проклятых вопросов», мучивших Иова. Такое чтение, по моему опыту, развивает личность, толкает ее в глубину, в «царствие,

которое внутри нас», и «сильно развитая личность», о которой мечтал Достоевский, не поддается никаким соблазнам.

2. Школа в джунглях принципов

Первый экзамен, вошедший в историю, была инициация. Хотя слов экзамен, история, инициация еще не было. И письменности не было. Поэтому бесписьменные народы назывались, на моей памяти, дикарями. Но это несправедливо. Была цельная культура, восходившая к прадедам, старики помнили предания и рассказывали их подросткам. В инициацию входили испытания юношей и девушек, обряды перехода к взрослости. И подростки 12-13 лет, выдержав испытания, входили в круг зрелости. Аттестатов им не выдавали, но юношей испытывали на глазах девушек, к этому обряду готовились с детства, вся жизнь племени была школой, и никто не учился на тройки. Все заслуживали золотую медаль.

Общество было простым, культура была простой и цельной, она вмещалась в одну голову и запоминалась наизусть. Если считать цельность вершиной всех ценностей, то дальнейшее развитие было упадком. Накапливались противоречия, рвавшие культуру на части. Рос объем культуры, и не все его могли удержать в голове, не путая. И появились хамы, плевавшие на непонятные запреты.

Следующим ударом по цельности культуры была письменность. Объем знаний окончательно вышел за рамки памяти, за рамки одного ума. Появились разные толки. Прямолинейная мысль срезала углы, повороты предания. Геометрия неолита сменила живые образы палеолитических пещер. Все это началось еще до письменности, до книги, но книга завершила процесс, утвердилось движение от принципа к следствиям, вытекавшим из принципа. Во имя принципа государственной пользы древние книги, хранившие архаические образы целого, иногда просто сжигались. Государство, объявившее себя

высшим принципом, объединило Китай – и рухнуло: жить под игмом принципа, доведенного до абсурда, было невыносимо.

Это предвидел Конфуций. Ему понадобилось несколько десятков лет, чтобы изучить всю совокупность древнего предания, уловить его общий дух и сплести все принципы, все идеи в единый венок. Это плетение венка культуры казалось лишним прагматикам, стремившимся к прямой пользе, к победе своего царства в борьбе всех против всех. Но победа принципа государственной пользы оказалась его смертью (так же, как победа принципов Сталина или Гитлера). После трехсот лет воюющих царств Кун Цзы (мудрец Кун) был признан Кун Фуцзы (Кун великий мудрец). И страна середины приняла его завет: осторожно вводить новое так, чтобы оно не разрушало гармонии старого; следить за тем, чтобы ветвь, вылезавшая из венка, уравнивалась другой, противоположной, и кольцо культуры медленно росло, избегая кризисов и разрушений. Этот идеал был не вполне достижим. Китай прошел через жестокие кризисы, но наследники Конфуция продолжали держать в уме древнюю гармонию и по мере сил восстанавливали ее.

Устойчивым был и порядок, уцелевший до сих пор в Индии, но нет здесь места рассматривать разные варианты стабильности. Достаточно подчеркнуть, что к западу от Инда совершенная устойчивость ни разу не удавалась. Отдельные ветви росли слишком быстро. Развитие, потерявшее меру, становилось злокачественным. Венок культуры расшатывали внутренние противоречия и добивали варвары, сохранявшие примитивную цельность¹. Некоторые древние культуры целиком погрузились в Лету, ничего не передав наследникам. В иных случаях из обрывков разрушенного старого венка и энергии завоевателей рождался новый круг, больше прежнего, а временами и крепче прежнего. Наконец, западнохристианский культурный круг охватил (хотя и не до глубины) весь мир; но чем быстрее развивалась глобальная

¹ Эту динамику впервые отметил Ибн Халдун.

цивилизация, тем труднее стало охватить ее умом и еще труднее остановить процессы, ведущие к распаду.

Древняя мудрость почти исчезла в гонке за частными целями. Образ Целого всплывает вновь только при созерцании гармонии природы и духовных глубин. То, что доступно Марии, ускользает от Марфы. Образы, всплывающие в сознании Марии, кажутся Марфе туманными наплывами, не имеющими большого веса в практике. Сестры все больше расходятся. Точное мышление рассекает мир на атомарные факты. И чем больше мы набираем фактической информации, тем дальше Целое, связывающее нас всех воедино; тем меньше мы понимаем собственные глубины и глубины друг друга. Тем меньше возможности понять корни настоящего в прошлом, тем больше разрыв между отцами и детьми и исчезает способность понять ценность древнего, архаического опыта – то, что само собой давалось бесписьменным «дикарям» и «варварам».

Потеря цельности жизни захватывает и творческое меньшинство. Тютчев колеблется между одиночеством созерцателя, слитного с природой, в которой есть и душа, и любовь, – и оторванностью от мертвой природы, где нет и не было никакой загадки, где нет никакого знания о нашем, человеческом былом, о нашем присутствии. У Рильке сильнее чувство «святого одиночества», нераздельности человека и природы, но попытка единства мужчины с женщиной может кончиться катастрофой:

И когда тела, не получив ожидаемого,
С отвращением отрываются друг от друга,
Одиночество хлещет реками.

Когда советским переводчикам разрешили издавать Рильке, собравшийся кружок подсчитал свой банк. Оказалось, что больше всего было переведено одиночество разрыва – одиннадцать раз! Одиннадцать раз одиночество хлестало реками! И гораздо реже слышалось «О, мое святое одиночество!» Это не характеристика Рильке, в его творчестве обратное отношение между

единством и разрывом, но характеристика читателей Рильке, вероятно одинаковая во всех странах.

Такова статистика. Но вот еще один единичный факт, подтверждающий статистику. О Рильке я впервые узнал в лагере. И единственный стих, который в подлиннике запомнил мой информант, был стих о падении в пустоту:

«Моя мать выродила меня в огромный мир».

В разговоре о Рильке информант говорил и другое. Но запомнил он то, что ближе было к его собственному опыту.

Должно было пройти двенадцать с лишним лет, чтобы сила стихов, передающих чувство единства с миром, опрокинула и в моем сознании бездну ньютоновского пространства, как пустую корзину, и то, к чему я стремился, нашло, в конце концов, свой образ в стихах Зинаиды Миркиной, льющихся один за другим в ее тетрадах. Привожу одно четверостишие, особенно близкое к тому, что я пытался и не умел выразить:

Всемогущее сердце мое,
Бесконечных миров сердцевина,
Ты, наполненное до краев,
Со вселенною всею едино...

Это, однако, не сразу далось автору и еще дольше не давалось мне. И я думаю, что чувство цельности бытия и тоска по этой цельности – близкие соседи. Одни остаются «жильцами двух миров», как Тютчев, других тоска толкает к прорыву, к внутреннему огню, который пережил Паскаль и запись о котором была названа его «амулетом». А в стихотворении Миркиной – к его последним строкам:

Омываясь в твоей тишине,
Я прощаюсь со знанием ложным.
Все, что истинно надобно мне,
То воистину сердцу возможно.

Тоска по вселенской любви – уже на одной из последних ступеней к самой любви, и она узнает торжество любви, когда встречает его. Поэтому расколотовость творческого меньшинства не делает учителя неспособным вести других к ступени, которой сам он еще не достиг.

«Человек живет для лучшего», – сказал Лука в горьковской пьесе. И хотя я знаю, что многого не достиг, я надеюсь, что читатели моих книг добьются большего, чем я. И если среди моих читателей есть учителя, то пусть их не смущают неудачи. В замечательной книге Ямбурга «Педагогический декамерон» попадаются рассказы о провалах. Это неизбежно. И остается вечно открытым вопрос: то ли учитель не нашел ключа к ученику? То ли ключ оказался в других, более сильных руках, – в семье, на улице, в бесконечных поворотах жизни. Евангельский сеятель не отчаивается, кидая свои зерна, хотя идея предопределения живет так же долго, как и надежда, что зерно, брошенное на землю, не пропадет.

То, чего достигает школа – только первый толчок, постановка на путь, – не больше.

Аттестат зрелости – только знак желания стать зрелым, вступить на путь к зрелости, не остановиться на полдороге. Выпускник школы лжет, если он всерьез считает себя зрелым. Он зрел только как рупор, способный озвучить догмы, которые запомнил. Таких рупоров много. Но есть и подростки, которых курс русской литературы разворошил, озадачил и толкает учиться самому подходить к открытым вопросам, и для них специальное высшее образование должно быть дополнено продолжением курса литературы с упором на ее глубины, с переходом от истории к онтологии, к героям и ситуациям, где история прорвана и открываются бездны, которые раскапывал еще Иов в поисках внутреннего света. Насколько я понимаю, это должен быть курс вершин мировой литературы, органически связанных с вершинами русской литературы («Гамлет» – и «Братья Карамазовы», «Жизнь есть сон» Кальдерона – и «Идиот»).

В стране, которая прошла антивоспитание в лагерях и в диком рынке, нельзя ждать, пока само собой родится творческое меньшинство, способное вывести массу из тупика. Надо это меньшинство создавать и прежде всего – в школах и в университетах. Здесь раньше, чем где бы то ни было, торгующие должны быть изгнаны из храма – так, как это уже было в университетах, созданных Ломоносовым и продержавшимся в чистоте до первых лет революции. Здесь может быть создан опорный пункт, из которого – со временем, не рассчитывая на быстрые успехи, – удастся развернуть наступление «нестяжателей» на современные нравы.

Студент, вышедший из университета, должен чувствовать примерно такое отвращение к коррупции, как я его чувствовал, попав в лагерь, и научиться избегать продажности, как я избегал ее в течение трех лет, оказавшись на должности нормировщика подсобных мастерских, входившей в мафиозную цепь. Я эту цепь оборвал и убежден, что ее всюду можно оборвать. Меня поддерживало мысленное общество с героями прочитанных книг и живое общество с товарищами по несчастью, не покупавших себе поблажки.

Я думаю, что прагматики узко понимают государственную и экономическую пользу. Не будет общей пользы, если вор у вора дубинку крадет. Обществу нужна личность, верная своей этике и утверждающая эту этику всюду, где живет и работает, даже если это тяжело и опасно.

Если (через несколько десятков лет) студенты будут выходить из университетов людьми, обладающими чувством собственного достоинства и чести (пусть не все – достаточно уверенной в себе группы) – зона, расплзшаяся на всю Россию, отступит за проволоку, и в жизни утвердятся не только евроремонт, но и евромилиция, евросуды и, наконец, – евроаккуратность на опушках лесов и улицах поселков. И кто знает? Возможно даже возрождение того, русского «общеевропейца», о котором Версильев говорил своему сыну Аркадию; того общеевропейца, который создал бессмертную русскую литературу XIX века.